

Рудницкая Елена Леонидовна
Институт востоковедения РАН
г. Москва, Российская Федерация
erudnitskaya@gmail.com

Особенности семельфактива в эвенкийском языке

Аннотация

В статье рассматривается категория семельфактива (показатель *-hin / -sin*) в эвенкийском языке с точки зрения типологии. Показатель, выражающий семельфактив, неоднозначен: он может также быть аттенуативным и инхоативным показателем. При привлечении материала разных языков оказывается, что подобные свойства данного показателя встречаются во многих языках. Цель данной статьи – выделение классов употребления показателя *-hin / -sin* и объяснение их существования, а также сравнение *-hin / -sin* с семельфактивными показателями в других языках. В результате, во-первых, приведены значения и классы употребления *-hin / -sin*, сочетаемость этого показателя с разными основами. Свойства данного показателя подтверждают определение семельфактива, основанное на данных типологии, как категории, обозначающей минимальный квант действия. Во-вторых, сопоставление русских глаголов с семельфактивным суффиксом *-ну* и эвенкийских глаголов в семельфактивном употреблении показало, что если у русских глаголов на *-ну* редко возникает значение аттенуативности и не возникает значения инхоативности, то у эвенкийских глаголов первое очень частотно, а второе чётко выделяется. Наконец, обнаружены подклассы строго и нестрого семельфактивных глаголов.

Ключевые слова: эвенкийский язык, семельфактив, типология, аттенуатив, инхоатив

© Рудницкая Е. Л. 2025

Для цитирования: Рудницкая Е. Л. Особенности семельфактива в эвенкийском языке // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2025. Вып. 11, № 2. С. 101–112. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-2-101>

Elena L. Rudnitskaya
Institute of oriental studies
Moscow, Russian Federation
erudnitskaya@gmail.com

Special features of semelfactive in Evenki

Abstract

The paper discusses the category of semelfactive (*-hin / -sin* marker) in Evenki from the typological point of view. The marker of semelfactive is polysemous: it can function as both an attenuative and an inchoative marker. Data from different languages show that these semelfactive markers functioning patterns can be common for many languages. This paper aims to classify the usage patterns of the *-hin/-sin* marker giving grounds for the suggested classification types and to compare *-hin/-sin* with semelfactive markers in other languages. As a result, the study, first, identified the meanings and classes of use of *-hin / -sin* and described the combinability patterns of this marker with various stems. These findings enable to define the semelfactive category on the basis of typology data as a category of a minimal quantum (portion) of an action. Second, the comparison of Russian verbs with the semelfactive suffix *-nu* and verbs with the *-hin / -sin* marker showed that whereas the Russian *-nu* affix can rarely be interpreted attenuatively and cannot be interpreted as an inchoative marker, *-hin / -sin* in Evenki often has the attenuative meaning and can definitely be interpreted as an inchoative marker. Finally, the groups of strictly and non-strictly semelfactive verbs were identified.

Keywords: Evenki, semelfactive, typology, attenuative, inchoative

© Rudnitskaya E. L. 2025

For citation: Rudnitskaya, E. L. (2025). Osobennosti semelfaktiva v evenkiyskom yazyke [Special features of semelfactive in Evenki]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 11 (2), 101–112. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-2-101>

1. Введение [Introduction]

Настоящее исследование представляет собой попытку прояснить, можно ли говорить о категории семельфактива в эвенкийском языке. Цель данной статьи – выделение классов употребления показателя *-hin/-sin* и объяснение их существования, а также сравнение *-hin/-sin* с семельфактивными показателями в других генетически не родственных языках.

Среди аспектуальных категорий категория семельфактива [Храковский, 1989] – одна из самых малоизученных, так что в настоящее время имеются только гипотезы о том, как следует определить семельфактив и какие морфологические данные относятся к этой категории. Поскольку типология семельфактива не разработана, данные малых языков представляют для неё особенную ценность. Семельфактив относится к количественным видовым значениям [Плунгян, 2003, с. 295], которые прямо не связаны с основным видовым противопоставлением «перфектив-имперфектив». Вид в эвенкийском языке деривационный, то есть показатели, образующие видовые значения, словообразовательные, а не словоизменительные. Словообразовательные показатели часто полисемичны, обладают ограниченной сочетаемостью, и их значение может зависеть от лексического значения основы глагола. Это, с одной стороны, затрудняет изучение этой категории, а с другой, делает материал более интересным. Важно также заметить, что семельфактив – категория, которая в норме выражается словообразовательными, а не словоизменительными аффиксами.

Мы использовали два источника данных: корпус устных рассказов на эвенкийском языке¹ и проведённое летом 2024 г. анкетирование носителей в посёлке Усть-Нюкжа, относящемся к восточному диалекту. Опрашивались носители эвенкийского языка 1947–1977 г. р., 2 мужчины и 6 женщин. Большинство из опрошенных проводят или провели большую часть жизни в тайге.

2. Значения показателя семельфактива [Meanings of the semelfactive marker]

Прежде всего нужно заметить, что в эвенкийском языке нет показателя мультипликатива², но есть показатель, который некоторыми исследователями [Nedjalkov, 1997] считается показателем семельфактива (*-hin / -sin*)³. Например, глагол *tapta-* 'хлопать' является мультипликативным и обозначает многоактный процесс:

¹ Сайт «Малые языки Сибири: наше культурное наследие». Корпус устных рассказов на эвенкийском языке. Создан Е. Л. Клячко (2010–2023 гг.). URL : <http://minlang.srcs.msu.ru/>, <http://gisly.net/corpus/>

² В статье [Недялков, Стручкова, 1989, с. 85–86] указывается несколько морфологических и неморфологических (конверсия) способов образования мультипликативных глаголов от тех, основа которых обозначает единичное действие (в т. ч. чередование гласного основы, см. ниже, примеры (9)–(10)).

³ *hin / -sin* – это основные формы данного показателя, которые используются в северном и южном диалектах эвенкийского языка. У *-hin / -sin* могут опускаться первый и последний согласные [s] и [n], а также все кроме [s]. В восточных диалектах, в частности, в усть-нюкжинском говоре, в котором проводилась элицитация, используются формы *-hi(n) / -i(n)*. *-hin / -sin* глоссируется как INCEP, потому что у этого показателя с некоторыми глаголами (см. ниже) возникает значение инхоатива: в этих случаях более регулярный инхоативный показатель *-l* (*hawal-* 'работать' vs. *hawal-il-* 'начать работать') не используется. См. ниже.

- (1) *nujan tapta-ča* *ɲalə-t-pi/nalə-t-wi* [элицитация]
 он хлопать-PTCP.ANT рука-INSTR-RFL
 'Он похлопал в ладоши' (*Он хлопнул в ладоши).

Для обозначения единичного действия от *tapta-* образуется форма семельфактива с показателем *-ɲi(n) / -i(n)* INCEP:

- (2) *nujan tapta-ɲi-ča* *ɲalə-t-pi/-wi* [элицитация]
 он хлопать.в.ладоши-INCEP-PTCP.ANT рука-INSTR-RFL
taɣ kuŋaka-ɣ il-ča-l
 тот ребёнок-PL остановиться-PTCP.ANT-PL
 'Она хлопнула в ладоши, и дети остановились' {они танцевали}.

Данный показатель, однако, не является показателем семельфактива в таком понимании, как это относится к русскому показателю *-ну*. У него есть и другие видовые (и не только видовые) значения, так же, как у нанайского показателя *-psin* [Оскольская, Стойнова, 2012] и, вероятно, финского показателя *-ahta / -aise* (глагольный диминутив, см. [Armoškaitė, Koskinen, 2008 ; Макарчук, 2020, с. 47]).

Во-первых, *-hin / -sin* далеко не со всеми глаголами приобретает значение семельфактива, что отмечается в работе [Nedjalkov, 1997, p. 250]. И. В. Недялков отмечает, что *-hin / -sin* обозначает единичный квант действия только примерно с тридцатью глаголами, в основном это глаголы звука. Про остальные значения *-hin / -sin* он не пишет.

Наиболее частые значения *-hin / -sin*, кроме семельфактивного, это аттенуатив и начинательность⁴. Начинательность (инхоативное значение) у *-hin / -sin* возникает при некоторых глаголах, обозначающих состояние (*in-* 'жить' (3 а), *a-* 'спать' (3 б)) и многих глаголах движения (3 в).

- (3) а. *ədū hawal-il-čala-i* *ini-hi-čō-w* [корпус]
 здесь работать-INCH-CVB.ANT-RFL жить-INCEP-PST-1SG
 'Здесь, став жить, стала работать' (инхоатив).
- (3) б. *ā-hi-ša* *ərdəlōn* *tadū hiŋilgən* [корпус]
 спать-INCEP-PTCP.ANT до.сих.пор там снег.DIAL
dō-ɲi-n
 внутреннее.пространство-INDPS-3SG
 'Заснул совсем там под снегом'.
- (3) в. *bi nān tuksa-sini-Ø-m* *z'imowjo-tki* [корпус]
 я опять бежать-INCEP-NFUT-1SG зимовье-ALL
 'Я опять побежал к зимовью'.

У некоторых глаголов, обозначающих однородный процесс (т. е. теоретически делимых на однородные отрезки, но не мультипликативных), все же возможен этот показатель с аттенуативным значением, ср. (4 а) с двумя интерпретациями (I, II), которые обе можно отнести к аттенуативным⁵.

- (4) а. *imanna-ɲin-ə-n* [элицитация]
 снег-INCEP-NFUT-3SG
 I. 'Выпал мелкий снег' (диминутивная интерпретация аттенуатива)
 II. 'Выпало немножко снега' (тут 'выпасть' интерпретируется как инкрементальный глагол).

⁴Если многие авторы грамматик упоминают про инхоативное значение *-hin / -sin* [Василевич, 1940 ; Bulatova, Grenoble, 1999], то про аттенуативное значение никто не пишет.

⁵И. В. Макарчук приводит пример с аналогичной I диминутивной интерпретацией аттенуативного показателя из языка северо-восточный кри в работе [Макарчук, 2019, с. 145].

Сравнение интерпретации I с примерами (4 б–в) с аттенуативным показателем *-kat*, а также диминутивная интерпретация *-kat* в (4 в) (из [Рудницкая, 2024]), показывают, что *-hin / -sin* в (4а) – именно аттенуативный показатель.

(4) б.	<i>iktə-kat-tə-n</i> [элицитация]	(4) в.	<i>ahin-d'a-kat-tə-n</i> [элицитация]
	ударить-ATTEN-NFUT-3SG		спать-INCEP-IPFV-ATTEN-NFUT-3SG
	'Ласково ударил'		'Ребёнок лёг спать'
	(аттенуатив)		(диминутивная интерпретация аттенуатива)

Приведённый выше набор интерпретаций *-hin / -sin* напоминает глагольный диминутив в финском языке [Armoškaitė, Koskinen 2008 ; Макарчук, 2020, с. 47–49], который И. В. Макарчук относит к семейфактивным (см. ниже).

Во-вторых, этот показатель не является обязательным при глаголе, обозначающем единичное действие. В (5 а) и (5 б) *ɲokta-ra-n* и *ɲokta-ɲin-a-n* оба обозначают единичный акт нюхания. В первом случае к *ɲokta-* 'понюхать' присоединяется показатель *-hin / -sin*, а во втором – нет.

(5) а.	<i>Nuɲan umna-kān</i>	<i>ɲokta-ra-n</i>	<i>siŋa-wə</i>
	он один.раз-ATTEN	понюхать-NFUT-3SG	суп-ACC
	<i>taduk ətə-rgi-ča</i>	<i>d'əp-ta-wi</i>	
	потом не.статья-PASS-PTCP.ANT	есть-PTCP-RFL	
	'Он один раз понюхал суп, потом не стал (его) есть'.		
(5) б.	<i>Nuɲan ɲokta-ɲin-a-n</i>	<i>siŋa-wə</i>	
	он понюхать-INCEP-NFUT-3SG	суп-ACC	
	'Он понюхал суп {один раз}'.		

Как неоднократно отмечалось в [Константинова, 1964 ; Горелова, 1979 ; Nedjalkov, 1997 ; Vulatova, Grenoble, 1999 ; Болдырев, 2007], основа глагола в эвенкийском языке характеризуется перфективностью, и в числе других видовых показателей имеется имперфективный показатель *-d'A*, который образует имперфективную основу (6а–б). Показатель *-d'A*, в отличие от других показателей вида в эвенкийском, является регулярным, так что некоторые исследователи [Горелова, 1979] говорят о нём как о словоизменительном (в то время как, например, [Болдырев, 2007] считает его деривационным).

(6) а.	<i>Imanna un-ča</i>	<i>d'ur</i>	<i>iɲəni-li</i>	[элицитация]
	снег таять-PTCP.ANT	два	день-PROL	
	'Снег растаял за два дня' (перфективная основа).			
(6) б.	<i>Imanna un-d'ə-ča</i>	<i>d'ur</i>	<i>iɲəni-wə</i>	[элицитация]
	снег таять-IPFV-PTCP.ANT	два	день-ACC	
	'Снег таял два дня' (имперфективная основа).			

В делимитативном контексте типа (6 б) также возможна перфективная основа, как и предсказывает система С. Г. Татевосова [Татевосов, 2016], ср. (7 а), в то время как в контексте актуально-длительного значения возможна только имперфективная основа (7 б).

(7) а.	<i>Nuɲan anɲani-wə</i>	<i>orin-ə-n</i>	[элицитация]
	он год-ACC	учиться-NFUT-3SG	
	'Он год проучился'.		
(7) б.	<i>urə-duk</i>	<i>ətə-rəki-m</i>	<i>nuɲan orin-*(d'i)-ča-n</i>
	тайга-ABL	прийти-CVB.COND-PS.1SG	он учится-*(IPFV)-PST-3SG
	'Когда я приехал из тайги, он учился' [элицитация].		

Как уже говорилось, мультипликативный процесс никак специально не маркируется в основе глагола (кроме чередования в основе у нескольких глаголов, см. ниже при-

меры (9) и далее), так что, например, с *goro-* 'долго' основа *ɲokta-* 'понюхать' (см. (5 а–б)) также может быть употреблена без видовых показателей – то есть в (5 а) и (8) эта основа может обозначать как единичный, так и множественный акт нюхания (в (8) показатель *-d'A* IPFV факультативен):

- (8) *Nuɲan goro-wo ɲokta(-d'a)-ra-n ul'la-wə* [элицитация]
 3SG долго-ACC понюхать(-IPFV)-NFUT-3SG суп-ACC
 'Он долго нюхал суп'.

В эвенкийском языке многие глаголы имеют ту же парадигму употребления, что и *ɲokta-*, то есть по работе [Урысон, 2024] являются нестрогим мультипликативными (а в терминологии [Татевосов, 2016] – слабо мультипликативными).

В-третьих, *-hin / -sin* сочетается с определёнными моментальными глаголами, такими как *ana-* 'толкнуть', *pəktɲə-* (*oda*⁶) 'стрельнуть', *iktə-* 'ударить', *kolto-* 'ударить кулаком', *noda-* 'бросить' (ср. (9 а) и (9 б)), и в этих сочетаниях имеет аттенуативное значение:

- (9) а. *umɲakan (ilarakan) oda-ɣə-n* [элицитация]
 один.раз (три.раза) стрельнуть-NFUT-3SG
 '(Он) один раз (три раза) стрельнул'.
- (9) б. *umɲakan (ilarakan) oda-in-ə-n* [элицитация]
 один.раз (три.раза) стрельнуть-INCEP-NFUT-3SG
 '(Он) один раз (три раза) стрельнул еле слышно'.

Важно заметить, что у перечисленных глаголов (и только у них) мультипликативность выражается изменением последнего гласного основы: *a / ə → u*: *anu-* 'толкать', *pəktɲu-* (*odu*⁷) 'стрелять', *iktu-* 'бить', *koltu-* 'ударять кулаком', *nodu-* 'бросать', ср. (9 а) и (10).

- (10) *kətəɲakan odu-rə-n* [элицитация]
 много.раз стрелять-NFUT-3SG
 '(Он) пострелял'.

Может ли мультипликативная основа сочетаться с *-hin / -sin*? На этот вопрос не удалось ответить однозначно: один носитель запрещает форму **odu-in-ə-n*, а другие интерпретируют её как 'стрелял еле слышно' или 'один раз стрельнул'. Ещё один носитель проинтерпретировал форму (*barbak*) *iktu-yin-ən* как '(немного) побил'. Все опрошенные предлагают сочетание мультипликативной основы с *-d'A* (показателем имперфектива) как правильное, например, (*goro-kun-mə*) *odu(-d'a)-čə-n* '(долго) стрелял' (далеко-INTS-ACC стрелять-INCEP(-IPFV)-NFUT-3SG).

Возникает сомнение, относится ли чередование основ на *-u* и на *-a / -o / -ə* к категории мультипликатива или к категории итератива (последняя в эвенкийском представлена аспектуальными показателями *-wat / -wan* ITER (итератив) и *-ktA* DISTR (дистрибутив), а также показателем прошедшего итеративного времени *-ɲi* PSTITER). Этому должно быть посвящено отдельное исследование. Мы можем лишь заметить, что такие действия, как *стрелять*, *бросать* или *толкать*, по интуиции носителя русского языка, скорее не мультипликативные, а итеративные (повторяющиеся кванты действия не обязательно идут подряд, как в случае *махать* или *кашлять*).

Показатель *-hin / -sin* несомненно ассоциируется у носителей эвенкийского с однократностью повторяющегося кванта действия (возможно, такой квант рассматривает-

⁶ Употребляется в усть-нюкжинском говоре, но не в литературном языке.

⁷ В усть-нюкжинском говоре.

ся как одно из проявлений слабой степени выраженности действия). Для *simki-* 'кашлять', например, (три раза) кашлянул некоторыми носителями переводится как (*ilarakan*) *simki-t-tə-n* (с показателем продолженного вида *-t / -č'i* DUR, который чаще всего используется для образования глагола, обозначающего состояние, ср. *təgə-t-* сесть-DUR 'сидеть'). Другими же носителями 'кашлянул' переводится как *simki-in-ə-n* (с *-hin / -sin*). Если же спросить, как понимается *simki-in-ə-n* в отрыве от контекста, даётся ответ «слабо кашлял»: тут, очевидно, может иметься ввиду и однократный кашель, и многократный слабый кашель.

Таким образом, мы видим, что *-hin / -sin* при сочетании с различными глаголами имеет как минимум три значения: семельфактивное, аттенуативное, инхоативное. Кроме того, имеется «перигригнативное» употребление, как в сочетании с показателем перигригнатива *-nA*, так и без него (11 а–б). В работе [Оскольская, Стойнова, 2012] аналогичное (11 а) употребление родственного нанайского показателя *-psin* считается инхоативным (обозначающим движение с целью совершить действие как начальную фазу действия). Данная точка зрения будет обсуждаться далее.

						[корпус]	
(11) а.	<i>tar</i>	<i>hələ</i>	<i>umnə</i>	<i>gənnō-hi-šo</i>	...	<i>aŋ-ja</i>	<i>mū-ja</i>
	тот	вот	один.раз	забрать-INCEP-PTCP.ANT		это-PART	вода-PART
	'Вот это, однажды Бог, сделав людей, пошёл за этой самой, за водой'.						
(11) б.	<i>ilā-wəl</i>		<i>bultā-nā-hin-aki-w</i>				[корпус]
	где-INDEF		охотиться-PRGRN-INCEP-CVB.COND-1SG				
	<i>min-nun</i>		<i>huru-l-d'ə-d'əŋə-s</i>				
	я.OBL-COM		ходить-INCH-IPFV-FUT-2SG				
	'Если я куда-нибудь пойду охотиться, ты пойдёшь со мной'.						

3. Категория семельфактива в эвенкийском языке [The category of semelfactive in Evenki]

Как мы показали выше, материал эвенкийского языка представляет сложность для прямолинейного определения категории семельфактива. Рассмотрим дополнительные характеристики, такие, как сочетаемость. Хотя *-hin / -sin* продуктивный показатель, он не регулярен на сто процентов. Он, например, не сочетается с некоторыми моментальными глаголами, например, *tkipka-* 'ронять' vs. **tkipka-in-ə-n* 'ронять-INCEP-NFUT-3SG', и глаголами, обозначающими предельный процесс, например, *bu-* 'умереть' и *sokor-* 'забыть' (*bu-l*⁸ - умереть-INCH 'начать умирать' vs. **bu-(ŋ)in*; *sokor-il-* забыть-INCH 'начать забывать' vs. **sokor-(ŋ)in-*). В приведённых примерах для выражения значения начинательности используется инхоативный показатель *-l* (INCH). Ниже в (12 а–б) показано, что глагол *duku-* 'писать', обозначающий предельное действие, сочетается с *-hin / -sin*. Таким образом, среди предельных процессов // действий мы видим неоднобразную сочетаемость с *-hin / -sin*.

Рассмотрим глаголы состояния. Показатель *-hin / -sin* при присоединении к глаголу *a-* 'спать' в (3 б) выше имеет инхоативную интерпретацию, а другой глагол состояния *sa-* 'знать' присоединяет не *-hin / -sin*, а инхоативный показатель *-l*. Из глаголов движения *tuksa-* в (3 в) ('бежать (о человеке)') присоединяет *-hin / -sin*, в то время как *hukti-* ('бежать (о животном)') присоединяет *-l*.

Как мы видим, привязать сочетаемость *-hin / -sin* к какому-то аспектуальному или другому семантическому классу глаголов не удаётся. Кажется логичным, что глаголы, обозначающие предельные процессы (типа 'забывать', 'умирать'), не сочетаются с се-

⁸ В этом примере и далее для выражения значения начинательности используется регулярный инхоативный показатель *-l* (INCH).

мельфактивным показателем *-hin / -sin*. Однако в аттенуативном и инхоативном употреблении *-hin / -sin* ограничения, естественные для семельфактивного показателя (сочетаемость только с глаголами, обозначающими мультипликативный процесс) не действуют – это создаёт трудность для анализа *-hin / -sin*.

По вышеприведённым результатам мы можем отметить, что в эвенкийском у *-hin / -sin* присутствуют значения инхоатива, семельфактива, аттенуатива. В нанайском (см. сноску 9) также выделяется значение лимитатива, которое в эвенкийском, с нашей точки зрения, отсутствует. Так, лимитативный глагол типа пописать (письмо) стандартно переводится на эвенкийский глаголом с перфективной основой и без аспектуальных показателей (*duku-*). Основа *duku-in-* переводится как аттенуативная (см. (12 б)). Зато в эвенкийском мы можем говорить о перигринативном значении *-hin / -sin*, представленном в (11 а–б).

Естественно предположить, что раз *-hin / -sin* – семельфактивный и высокопродуктивный показатель, то при присоединении к не мультипликативному глаголу *-hin / -sin* будет приобретать другое значение, например, аттенуативное. Так же можно объяснить и перигринативное значение *-hin / -sin* в (11 а–б). Тогда не нужно считать это значение инхоативным, как это делают [Оскольская, Стойнова, 2012], а можно считать, что тут возникло перигринативное значение по той же схеме, что и аттенуативное (высокопродуктивный показатель *-hin / -sin* при присоединении к не семельфактивным глаголам действия может становиться перигринативным).

Значение аттенуатива у *-hin / -sin* очень частотное (возникает почти всегда, когда исходный глагол не мультипликативный). Так, рассмотрим примеры (12 а–б) с глаголом *duku-* 'писать', который сочетается и с *-hin / -sin*, и с показателем инхоатива *-l*:

- (12) а. *Nuŋan duku-wun-ma duku-l-ča* [элицитация]
 3SG письмо-ACC писать-INCH-PTCP.ANT
 'Он начал писать письмо' (начало е).
- (12) б. *nuŋan dukuwun-ma duku-in-ča* [элицитация]
 3SG письмо-ACC писать-INCEP-PTCP.ANT
 'Он черкнул письмо' (краткое / маленькое).

Глагол *duku-* не мультипликативный, и *-hin / -sin* в (12 б) интерпретируется как аттенуативный показатель. Похожие результаты даёт и нанайский материал [Оскольская, Стойнова, 2012]. В нанайском есть показатели *-lo / -lu* (INCH1) vs. *-psin / -psən* (INCH2), и большое количество глаголов сочетается с обоими показателями. В этом случае показатель имеет аттенуативную интерпретацию.

- (13) а. *žare-* 'петь' → *žare-lu* (INCH1) 'начал петь' vs. [горинский нанайский]
 vs. → *žare-psəŋ* (INCH2) 'спеть кусочек песни'.
- (13) б. *ičə-* 'открыть' → *nixəli-lu-* (INCH1) 'начал открывать' vs.
 vs. → *ičə-psiy-* (INCH2) 'немного открыть'.

В работах [Макарчук, 2020 ; Макарчук, 2019 ; Игнатенко, 2017] отмечается, что показатели семельфактива в определённых языках, помимо уже перечисленных значений, могут интерпретироваться как показатели неожиданности или неполноты действия⁹. Об интерпретации 'неполнота действия' упоминается также в исследовании по нанайскому языку [Оскольская, Стойнова, 2012].

И. В. Макарчук предлагает описывать все упомянутые зоны как одну категорию [Макарчук, 2020]. В указанной статье предлагается понятие «минимальности», которое

⁹ Согласно работе Д. И. Игнатенко, в русском языке суффикс *-ну* реализует значения семельфактива и аттенуатива, а в нанайском (родственном эвенкийскому) – кроме этих двух, ещё значения инхоатива и лимитатива.

должно так или иначе описать инвариант значения семельфактивности и все типы употребления семельфактивных показателей. Например, аттенуативная интерпретация может легко рассматриваться как минимальное действие или процесс данного типа, по крайней мере такое рассуждение звучит логично. Данные эвенкийского языка, представленные выше, поддерживают данную гипотезу.

Инхоативное употребление требует отдельного объяснения. И. В. Макаручук предполагает, что значение семельфактивности произошло от инхоатива. Он аргументирует свою точку зрения кратковременностью начальной фазы ситуации (так же как и ситуации, соответствующей минимальному кванту или отрезку ситуации, то есть семельфактиву), а также склеенным значением семельфактива и инхоатива у некоторых глаголов звука (*закричать* 'начать кричать' или 'крикнуть', *заговорить* 'начать говорить' или 'сказать'). По этой гипотезе, значение семельфактива появляется у *-hin / -sin* сначала с глаголами звука, с которыми *-hin / -sin* раньше употреблялось в инхоативном значении, а потом оно распространилось на другие глаголы¹⁰.

В эвенкийском языке есть отдельный однозначный показатель инхоатива *-l* (см. выше), который употребляется с большинством глаголов, в то время как инхоативное значение *-hin / -sin* реализуется только с небольшим количеством глаголов. Так, в (14 а–в) русский глагол *закричать* переводится с *-l* при двух эвенкийских переводных эквивалентах, а с *-hin / -sin* только с одной основой (14 в).

(14) а.	<i>abə-kōn</i>	<i>təpkə-l-də-n</i>				[корпус]
	бабушка-ATTEN	кричать-INCH-NFUT-3SG				
	'Бабушка закричала'.					
(14) б.	<i>timannə</i>	<i>unə</i>	<i>umukən</i>	<i>čəŋit</i>	<i>jəka-l-lə-n</i>	[корпус]
	утром	рано.утром	один	разбойник	кричать-INCH-NFUT-3SG	
	'Рано утром один разбойник закричал'.					
(14) в.	<i>orē-sina-Ø-m</i>					[корпус]
	кричать-INCEP-NFUT-1SG					
	'Я закричала'.					

Обычно один глагол сочетается только с *-l* (см. примеры выше) или только с *-hin / -sin* (например, *a-* 'спать'). Если же глагол, как в (12 а–б) выше, сочетается с обоими показателями, инхоативное значение возникает с показателем *-l*.

Возможно, показатель *-l* стал регулярно употребляться в инхоативном значении, и тогда показатель *-hin / -sin* изменил значение. В пользу вторичности аттенуативного значения может свидетельствовать то, что аттенуативные формы глагола с показателем *-hin / -sin* не встречаются в корпусе рассказов, а только при элицитации: в рассказах все аттенуативные формы имеют показатели *-kAt*, *-mi* ATTEN, а не *-hin / -sin*. Однако аргументом за первичность аттенуативного значения у *-hin / -sin* является то, что у многих глаголов и основа без *-hin / -sin*, и основа с *-hin / -sin* обозначает единичное действие, в то время как эти основы различаются именно аттенуативностью. Например, *d'awa-* 'поймать, схватить' vs. *d'awa-in-* 'коснуться'.

Для определённых выводов нужны данные об истории показателей *-l* и *-hin / -sin*. Важно заметить, что Г. Рамстедт отмечает инхоативное значение у общетунгусского показателя **-sin* и «вступительное» (инициальное) значение у тунгусского же

¹⁰Заметим, что в эвенкийском языке, согласно нашим данным, глаголы звука и речи в инхоативном значении присоединяют инхоативный показатель *-l*, а не *-hin / -sin*. Эта ситуация не предсказывается гипотезой И. В. Макаручука: если изменение значения показателя *-hin / -sin* связано именно с глаголами речи, почему при употреблении с глаголами речи этот показатель невозможен, а не интерпретируется как аттенуативный? Например, *gu-čə-n* сказать-PST-3SG 'сказал', *gu-l-čə-n* сказать-INCH-PST-3SG 'начал говорить' vs. **gu-in-čə-n* сказать-INCEP-PST-3SG 'сказал чуть-чуть'.

показателя *-l, не комментируя этот тезис и подробно не рассматривая ни один из данных показателей [Рамстедт, 1957, с. 142]. О. П. Суник характеризует общетунгусский суффикс *-si / -hi / -ši как показатель продолженного вида, а суффикс *-l – как невидовой [Суник, 1962, с. 122–123].

Гипотеза, альтернативная гипотезе И. В. Макаrchука, заключается в том, что основное, первичное значение семельфактива соответствует интерпретации аттенуатива. Такая гипотеза высказывается в работе [Волков, 2024, с. 138–143], где, кроме тунгусо-маньчжурских языков, приводится пример аналогичной полисемии в хантыйском языке [Волков 2024, с. 141–142]. Она представляется более эмпирически обоснованной, чем гипотеза И. В. Макаrchука. Однако если её принять, то будет трудно объяснить, как у *-hin / -sin* возникло значение инхоатива, имеющееся при некоторых глаголах.

4. Заключение [Conclusion]

Мы рассмотрели употребления показателя *-hin / -sin*, который представляет одновременно особый интерес и трудность для анализа в связи с тем, что при присоединении к разным глаголам он приобретает разное значение. Основные значения показателя – семельфактив, аттенуатив и инхоатив. Этот показатель – не единственное в эвенкийском языке средство выразить квант мультипликативного процесса (другое средство – чередование основы глагола). Значение аттенуатива даётся только при элицитации, в текстах его нет. Его можно поэтому рассматривать как расширение семельфактивного значения при немультимпликативном глаголе. Показатель *-hin / -sin* сочетается с очень многими глаголами: не только обозначающими мультипликативный процесс, но и мгновенными глаголами, глаголами изменения состояния и т. д. С немультимпликативными глаголами он в основном интерпретируется как показатель аттенуативности. Таким образом, можно выделить класс семельфактивных употреблений этого показателя, класс аттенуативных употреблений и класс инхоативных употреблений.

Гипотеза о грамматикализации показателя семельфактива из показателя инхоатива представляется обоснованной. Наша трактовка поддерживается данными типологии, и всё же для её дополнительного обоснования нужен более широкий исторический и типологический материал.

Сравнение с русским языком показало, что у *-sin / -hin* в эвенкийском языке более широкая сочетаемость и большее разнообразие значений, чем у *-ну* в русском языке, и более разнообразные грамматические функции.

Полученные результаты будут полезны для разработки типологической характеристики и формального моделирования семельфактива. Перспективу исследования составит сравнение семельфактивных и мультипликативных глаголов эвенкийского языка с соответствующими глаголами русского языка по параметрам, предложенным в работе [Урысон, 2024]. В частности, будет проведено сравнение морфосинтаксических средств для квантификации нескольких действий или процессов как целых ситуаций и для квантификации квантов действия или процесса внутри ситуации, обозначаемой мультипликативным глаголом.

Список сокращений и условных обозначений

1, 2, 3 – 1, 2, 3 лицо, abl – аблатив, acc – аккузатив, all – аллатив, ant – (причастие) предшествования, atten – (показатель) аттенуатива, com – комитатив, cond – (конверб) условия, cvb – конверб (деепричастие), dial – диалектный (слово, показатель), dur – дуративный (вид), inch – инхоатив, inser – инцептив, indef – неопределённый, indps – косвенная принадлежность, instr – инструменталис, ints – интенсив, ipfv – имперфектив

(несовершенный вид), masc – мужской (род), nfut – небудущее (время), obl – косвенная (основа), part – партитив, pass – пассив, pf – перфектное (причастие), pl – множественное число, prgrn – перигринатив, proI – пролатив, ps – посессивный (аффикс), pst – прошедшее (время), ptcp – причастие, rfl – рефлексив, sg – единственное число, sim – (причастие) одновременности.

Библиографический список

- Болдырев, 2007 – Болдырев Б. В. Морфология эвенкийского языка / под ред. В. А. Роббек Новосибирск : Наука, 2007. 503 с.
- Василевич, 1940 – Василевич Г. М. Очерк грамматики эвенкийского (тунгусского) языка. Л. : Госучпедгиз, 1940. 196 с.
- Василевич, 1958 – Василевич Г. М. Эвенкийско-русский словарь. М. : ГИИНС, 1958. 802 с.
- Волков, 2024 – Волков О. С. Глагольная фазовость в системе видовых показателей : дисс. ... канд. филол. наук : 5.9.8 ; Ин-т языкознания РАН. М., 2024. 201 с.
- Горелова, 1979 – Горелова Л. М. Категория вида в эвенкийском языке. Новосибирск : Наука, 1979. 120 с.
- Игнатенко, 2017 – Игнатенко Д. И. Модели полисемии показателей семельфактива и лимитатива в языках мира: курсовая работа бакалавра. НИУ ВШЭ, 2017.
- Игнатенко, Волков, 2017 – Игнатенко Д. И., Волков О. С. Показатели неполноты ситуации, или лимитативно-семельфактивная деривация в языках мира : устный доклад на XIV конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей. СПб, 2017.
- Константинова, 1964 – Константинова О. А. Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология. М. : Наука, 1964. 274 с.
- Макарчук, 2019 – Макарчук И. В. Глагольный аттенуатив в горномарийском языке // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2019. Т. XV, № 2. С. 130–162. <https://doi.org/10.30842/alp2306573715205>
- Макарчук, 2021 – Макарчук И. В. К типологии дериваций глагольной меры: семельфактив и делимитатив // Вопросы языкознания. 2021. № 6. С. 40–68. <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2021.6.40-68>
- Недялков, Сверчкова, 1989 – Недялков И. В., Сверчкова Ю. Д. Выражение множественности ситуаций в эвенкийском языке // Типология итеративных конструкций / под ред. В. С. Храковского. Л. : 1989. С. 62–73.
- Оскольская, Стойнова 2012 – Оскольская С. А., Стойнова Н. М. Способы выражения начальной фазы действия в нанайском языке // Проблемы языка : сб. науч. ст. по материалам Первой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых» / под ред. Е. М. Девяткиной. М. : ИЯз РАН, 2012. С. 213–230.
- Плунгян 2003 – Плунгян В. А. Общая морфология. Введение в проблематику. М. : УРСС, 2003. 383 с.
- Рамстедт, 1957 – Рамстедт Г. И. Введение в алтайское языкознание: Морфология. М. : Изд-во иностранной литературы, 1957. 255 с.
- Рудницкая, 2024 – Рудницкая Е. Л. Категория интенсивности в эвенкийском языке // Проблемы сохранения языков и культур народов России и Китая (Северная конференция) : материалы X Международной науч.-практ. конф., зимняя сессия : 19 января 2024 г. Благовещенск : Изд-во Амурского гос. ун-та, 2024. С. 282–288.
- Суник, 1962 – Суник О. П. Глагол в тунгусо-маньчжурских языках: морфологическая структура и система форм глагольного слова. М. : АН СССР, 1962. 364 с.
- Татевосов, 2016 – Татевосов С. Г. Глагольные классы и типология акциональности. М. : Языки Славянской Культуры, 2016. 555 с.
- Урысон, 2024 – Урысон Е. В. Глаголы совершенного вида в контексте многократности: к выявлению семантики совершенного вида : рукопись.
- Храковский, 1989 – Храковский В. С. Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация // Типология итеративных конструкций / под ред. В. С. Храковского. Л. : Наука, 1989. С. 5–53.

- Armoškaitė, Koskinen, 2008 – Armoškaitė S., Koskinen P. Diminutive verbal suffixes in Finnish // Proc. of the 2008 Annual Conf. of the Canadian Linguistic Association, 2008. P. 1–13.
- Bulatova, Grenoble, 1999 – Bulatova N., Grenoble L. Evenki (Languages of the world/ Material 141). München : Lincom Europa, 1999. 64 p.
- Nedjalkov, 1997 – Nedjalkov I. Evenki. London – New York : Routledge, 1997. 344 p.
- Shluinsky, 2013 – Shluinsky A. B. Verb-verb complexes in Turkic languages: handout of International symposium “Mysteries of verb-verb complexes in Asian languages”. NINJAL, Tokio, 2013.

References

- Boldyrev, B. V. (2007). *Morfologiya evenkiyskogo yazyka [Evenki morphology]*. Novosibirsk : Nauka Press. (In Russ.).
- Vasilevich, G. M. (1940). *Ocherk grammatiki evenkiyskogo (tungusskogo) yazyka [Essays on Evenki (Tungus) grammar]*. Leningrad : Gosuchpedgiz Press (In Russ.).
- Vasilevich, G. M. (1958). *Evenkiysko-russkiy slovar' [Evenki-Russian dictionary]*. Moscow : GIINS Press. (In Russ.).
- Volkov, O. S. (2024). *Glagol'naya fazovost' v sisteme aspektual'nykh pokazateley. [Verb aspectuality in the system of aspect markers]*. PhD in Philological sci. diss. ; Intitute of Linguistics RAS. Moscow.
- Gorelova, L. M. (1979). *Kategoriya vida v evenkiyskom yazyke [Category of aspect in Evenki]*. Novosibirsk : Nauka Press. (In Russ.).
- Ignatenko, D. I. (2017). *Modeli polisemii pokazateley semel'faktiva i limitativa v yazykakh mira [Polysemi models of semelfactive and limitative in languages of the world]: A course (bachelor) paper*. RSU HSE, 2017.
- Ignatenko, D. I., & Volkov, O. S. (2017). *Pokazateli nepolnoty situatsii, ili limitativno-semel'faktivnaya derivatsiya v yazykakh mira [Markers of situation incompleteness]* : Oral presentation at the XIVth Conference on typology and grammar for young researchers. St Petersburg.
- Konstantinova, O. A. (1964). *Evenkiyskiy yazyk. Fonetika. Morfologiya [Evenki. Phonetics. Morphology]*. Moscow : Nauka Press. (In Russ.).
- Makarchuk, I. V. (2019). Glagol'nyy attenuativ v gornomariyskom yazyke [Verbal attenuative in Hill Mari]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy [Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies]*, XV (2), 130–162. <https://doi.org/10.30842/alp2306573715205>
- Makarchuk, I. V. (2021). K tipologii derivatsiy glagol'noy mery: semel'faktiv i delimitativ [Towards a typology of derivations of verbal measure: Semelfactive and delimitative]. *Voprosy yazykoznaniya [Topics in the Study of Language]*, 6, 40–68. <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2021.6.40-68>
- Nedyalkov, I. V., & Sverchkova, Yu. D. (1989). Vyrazhenie mnozhestvennosti situatsiy v evenkiyskom yazyke [Expression of multiplicity of situations in Evenki]. In V. S. Khrakovskiy (Ed.), *Tipologiya iterativnykh konstruksiy [Typology of iterative constructions]* (pp. 63–73). Leningrad : Nauka Press. (In Russ.).
- Oskol'skaya, S. A., & Stoynova, N. M. (2012). Sposoby vyrazheniya nachal'noy fazy deystviya v nanayskom yazyke [Ways of expressing inchoative in Nanai]. In E. M. Devyatkina (Ed.), *Problemy yazyka: Sbornik nauchnykh statey po materialam Pervoy konferentsii-shkoly «Problemy yazyka: vzglyad molodykh uchenykh» [Proc. of the First conference-school “Issues of language: Vision of young scientists”]* (pp. 213–230). Moscow : Institute of Linguistics RAS Press. (In Russ.).
- Plungyan, V. A. (2003). *Obshchaya morfologiya: Vvedenie v problematiku [General morphology. Introduction into problems]*. Moscow : URSS Press (In Russ.).
- Ramstedt, G. I. (1957). *Vvedenie v altayskoe yazykoznanie: Morfologiya [Introduction to Altaic linguistics]*. Moscow : Inostrannaya literatura Press. (In Russ.).
- Rudnitskaya, E. L. (2024). Kategoriya intensivnosti v evenkiyskom yazyke [Category of intensity in Evenki]. *Problemy sokhraneniya yazykov i kul'tur narodov Rossii i Kitaya (Severnaya konferentsiya) [Problems of preserving languages and cultures of Russia and China (Northern conference)]*: X International conference proc. (pp. 282–288). Blagoveshchensk : Amur State University Press. (In Russ.).

- Sunik, O. P. (1962) *Glagol v tunguso-man'chzhurskikh yazykakh: morfologicheskaya struktura i sistema form glagol'nogo slova [Verb in Tungus-Manchu languages: Morphological structure and system of verbal forms]*. Moscow : USSR Academy of Sciences Press. (In Russ.).
- Tatevosov, S. G. (2016). *Glagol'nye klassy i tipologiya aktsional'nosti [Verb classes and typology of actionality]*. Moscow : Yazyki Slavyanskoy Kul'tury Press. (In Russ.).
- Uryson, E. V. (2024). *Glagoly sovershennogo vida v kontekste mnogokratnosti: k vyvavleniyu semantiki sovershennogo vida [Perfective verbs in the context of multiplicity: Towards identification of perfective aspect semantics]* : Unpublished manuscript.
- Khrakovskiy, V. S. (1989). Semanticheskie tipy mnozhestva situatsiy i ikh estestvennaya klassifikatsiya [Semantic types of situations multiplicity and their natural classification]. In V. S. Khrakovskiy (Ed.), *Tipologiya iterativnykh konstruksiy [Typology of iterative constructions]* (pp. 5–53). Leningrad : Nauka Press. (In Russ.).
- Armoškaitė, S., & Koskinen, P. (2008). Diminutive verbal suffixes in Finnish. *Proc. of the 2008 Annual Conf. of the Canadian Linguistic Association* (pp. 1–13).
- Bulatova, N., Grenoble, L. (1999). *Evenki* (Languages of the world series / Material 141). München : Lincom Europa.
- Nedjalkov, I. (1997). *Evenki*. London – New York : Routledge Press. (In Russ.).
- Shluinsky, A. B. (2013). *Verb-verb complexes in Turkic languages*: Handout of International symposium “Mysteries of verb-verb complexes in Asian languages” NINJAL, Tokio, December 14–15, 2013.

Статья поступила в редакцию 21.09.2024; одобрена после рецензирования 30.05.2025; принята к публикации 04.06.2025.
The article was submitted 21.09.2024; approved after reviewing 30.05.2025; accepted for publication 04.06.2025.